

Император Чу, подобно орлу или тигру, наблюдал за временем на часах, когда внезапно к нему подошёл евнух с срочным донесением. Император бросил на него холодный взгляд, и хотя наложница Жун была напугана, она немного успокоилась, услышав, как император приказал:

— Доложи.

Танцовщицы, дрожа, отошли в стороны, и к императору подошёл мужчина в доспехах, который опустился на колени. Император не стал ждать его доклада и сразу спросил:

— Мятежники князя Шоушаня?

Командир Сюэ твёрдо ответил:

— Все уничтожены!

— Беспорядки на восточном рынке?

— Его высочество, князь Цзинчэн, уже подавил их!

— А главарь?

— Уже схвачен и заключён в тюрьму, ожидает вашего высочайшего решения!

Хотя он был военным, его речь не была грубой. Наложница Жун невольно наклонилась вперёд и с беспокойством спросила:

— А как князь Цзинчэн... он в порядке?

Командир Сюэ сначала посмотрел на императора, и, не увидев недовольства, ответил:

— Его высочество, князь Цзинчэн, под защитой его величества, не пострадал. После заключения преступника в тюрьму он прибудет сюда, чтобы выразить свои почтения.

Император Чу усмехнулся, поднял руку, и танцовщицы удалились. Ряд придворных дам тихо подошли, чтобы помочь ему встать и сделать шаг. Все присутствующие были поражены, никто больше не осмеливался сидеть, все сановники почтительно встали, музыка мгновенно прекратилась, музыканты опустились на колени, и только слышался шелест одежды. Император выпил бокал вина, поставил его и произнёс:

— Господа, сегодня ночью мои сыновья успешно подавили мятеж, вы все пойдёте со мной встречать их.

За пределами зала небо было усыпано звёздами, на пруду были мостики и беседки, везде горели серебряные фонари, отражаясь в воде, словно звёзды. Император Чу вместе с наложницей Жун выехал из зала на паланкине, нескольким старшим сановникам было даровано право нести паланкин, по бокам шли служанки с дворцовыми фонарями, освещая путь. Вся процессия направилась к павильону у пруда Тайе.

Войдя в павильон и взглянув вниз, на нефритовые ступени, они увидели, что князь Цзинчэн во главе двух командиров приближается. Сяо Шанли уже снял доспехи, в этой ночи он был одет в праздничный наряд, и хотя у него не было времени переодеться и умыться, он, вернувшись после подавления беспорядков, прошёл через небесные чертоги, огни пруда Тайе освещали его фигуру, на плаще виднелись следы крови и пыли, что ещё больше подчёркивало его изысканную шею и руки, а отпечаток на лбу и губы казались, словно красные сливы, упавшие на снег.

В мире есть красавицы, которым идёт румянец, но он был создан для дыма и крови. Выходя из них, он становился картиной, которая заставляла трепетать. Увидев императора, он и его сопровождающие в доспехах не поклонились, а отдали воинское приветствие, и он также поклонился по военному обычаю. Плащ, алый, как кровь, свисал за его спиной, император Чу мрачно смотрел на младшего сына, а затем громко рассмеялся.

В юности он был наследным принцем Чу и сопровождал своего отца на аудиенции у императора Чжоу. Тогда он тоже был одет в военную форму, проходя через пруды и озёра, и тогда он понял, что однажды эти бескрайние дворцы будут отняты у династии Чжоу, и великие земли покорятся ему. Много лет он считал, что ни один из его двенадцати сыновей не похож на него, но только этой ночью, когда Сяо Шанли проявил себя, он понял, что из всех его сыновей именно тот, кто внешне больше всего походил на наложницу Жун и казался наименее похожим на него, был наиболее похож на него по характеру!

Император Чу шагнул вперёд, положил руку на его плечо и сказал:

— Ты... молодец! Ты, молодец! У меня есть такой сын, и небо в конце концов не подвело меня!

Сяо Шанли покорно ответил:

— Докладываю вашему величеству, преступник уже в тюрьме, я не знаю, как лучше поступить.

Этой ночью император разрешил ему остаться во дворце, чтобы быть рядом с наложницей Жун. Когда в Дворце Бессмертного Долголетия наложница Жун, устав, ушла спать, в Чертоге, хранящем аромат, большинство свечей погасли, и до рассвета оставалось всего час или два. Изящно одетая придворная дама вышла из зала и с удивлением спросила:

— Ваше высочество, не хотите немного отдохнуть?

Сяо Шанли, которого она опекала с детства, ответил:

— Благодарю вас, госпожа летописец Цзи, пожалуйста, попросите евнуха Хуна прийти ко мне.

Вскоре евнух, служивший рядом с императором, подошёл и поклонился:

— Ваше высочество, князь Цзинчэн.

Сяо Шанли лёгким жестом остановил его:

— Не нужно кланяться.

Евнух встал и улыбнулся:

— Поздравляю ваше высочество, сегодня ночью его величество был в прекрасном настроении.

Он, долгое время служивший во дворце, не стал много говорить, а просто добавил:

— В прошлом я получал помощь от наложницы Жун, и сегодня ночью, если ваше высочество что-нибудь понадобится, просто скажите.

Сяо Шанли знал, что во дворце все так или иначе получали помощь от его матери. Он сказал:

— Я хочу попросить вас взять что-то из внутренних хранилищ.

После этих слов он тихо произнёс два слова, и евнух Лю улыбнулся:

— Это пустяки, пожалуйста, ваше высочество, посидите здесь немного, я сразу же отправлю слуг, чтобы они достали это. Не скрою, с тех пор, как ваше высочество обручилось с принцессой Яньцин, его величество хотел подарить вам это.

Через некоторое время был поднесён нефритовый ларец, который умещался в ладони, рядом с ним стояло несколько серебряных кувшинов для вина, круглых и изящных, вмещающих всего четыре-пять чашек. Молодой евнух тихо доложил:

— Ваше высочество, евнух Хун в хранилище нашёл также питунское вино, Янтарную весну, вино из гранатовых цветов и учэнское вино, и специально предлагает их вашему высочеству.

Вскоре в этой тихой дворцовой обстановке группа служанок с фонарями провела знатного гостя к открытому месту у пруда Тайе. На воде, простиравшейся до горизонта, появилась лодка, не похожая на большие корабли с мостами и галереями, у неё была только одна каюта, окружённая тяжёлыми белыми занавесками.

Сяо Шанли поднялся на борт и приказал отплыть в самое уединённое место на пруду Тайе. Звук вёсел раздавался в тишине, и чем дальше они отплывали, тем дальше становились огни на другом берегу. Они вошли в канал, где берега сблизились, с одной стороны был сад с тысячей сливовых деревьев, а с другой — ряд павильонов для наблюдения за сливами зимой, и в это время года в этих павильонах горели лишь несколько одиноких огней.

Сяо Шанли приказал:

— Причалите здесь, через час вернитесь. Поблизости никого не должно быть, я хочу встретить рассвет в одиночестве.

Все слуги поклонились и отплыли на лодке.

Снаружи ночной ветер разгонял туман, в каюте горела лампа, на полу лежал соболий ковёр, на столе был деревянный поднос с кувшинами для вина и двумя бокалами. Серебро сверкало в свете лампы, Сяо Шанли взял серебряную палочку и неумело поправил фитиль, а затем произнёс:

— Господин Лин, думаю, это последний раз, когда я называю вас так.

Он поднял лицо, освещённое свечой, и посмотрел за пределы каюты. Все вокруг ушли, лодка была привязана длинным канатом. В ночном тумане на канате кто-то шёл, подошёл к носовой части лодки, приподнял занавеску и вошёл, принеся с собой влажный воздух.

Сяо Шанли тихо сказал:

— Видя это, ты вспомнил нашу первую встречу, не так ли?

Лэ Юй был одет в чёрное, словно грозовая туча, и, в отличие от прежней лёгкости, он казался угрюмым. Он осмотрел каюту, но не сел, а стоял напротив Сяо Шанли. Его высокий рост и выраженные черты лица придавали ему мрачный вид, и он сказал:

— Когда я впервые увидел ваше высочество, вы были красивы, но вам не хватало величия.

Сяо Шанли тихо ответил:

— Тогда я ничего не понимал. В последнее время... я убил нескольких людей, и сегодня ночью погибло много людей. Посмотри на меня, я уже не тот, что был раньше...

С этими словами он опустил взгляд.

Его щёки в свете лампы казались розовыми, и, когда он замолчал, Лэ Юй сказал:

— Красавица может заставить тысячи людей пойти на смерть своей красотой, а тиран, обладая властью, может убить тысячи людей одним словом. Когда я впервые увидел вас, я думал, что вы обязательно будете красавцем своего времени, но я не ожидал, что вы будете не только красавцем, но и тираном своего времени.

Сяо Шанли с радостью спросил:

— Ты хвалишь меня?

Затем добавил:

— Сегодня ночью хорошо, что ты был рядом, я не буду благодарить тебя. Но ты знаешь, что когда ты находишься в радиусе ста ли от меня, я ничего не боюсь.

Лэ Юй ответил:

— Позиция наследника Южной Чу уже в ваших руках, я выполнил своё слово и через пять дней покину столицу.

Лицо Сяо Шанли мгновенно стало холодным, и он увидел на поясе Лэ Юя медальон с изображением горы бессмертных, окутанной облаками. Сяо Шанли чуть не раздавил край стола пальцами, но с усилием улыбнулся и встал:

— Если Пэнлай подчинится, я буду относиться к нему, как к Циньчжоу. Если ты соскучишься по морю, мы каждый день будем, как сегодня, плавать по пруду Тайе. Если ты останешься и перестанешь смотреть на двор свысока, если тебе понравится моё лицо, я буду показывать его тебе, пока ты не устанешь. Если тебе понравится моя личность, я буду перед тобой.

Говоря это, он приблизился к Лэ Юю, его волосы слегка растрепались, а глаза светились, словно две искрящиеся капли воды. Даже самый чёрствый человек не смог бы отказать такому красавцу. Лэ Юй взял его за подбородок и сказал:

— Ты всегда так соблазняешь меня.

В палатке, переодеваясь, перед тем как уйти, Сяо Шанли знал, что он рядом, и делал это, чтобы заставить его полюбить себя ещё больше. Но в этот раз, встретившись снова, Лэ Юй казался ему знакомым, но в то же время что-то было совсем другим. Сяо Шанли почувствовал боль в подбородке, который сжимал Лэ Юй, и сказал:

— Потому что я без ума от тебя, и я хочу, чтобы ты тоже был без ума от меня.

Во всём мире только он мог заставить его забыть о гордости и соблазнять своей красотой. Он почувствовал горечь, Лэ Юй никогда так не относился к нему.

<http://bllate.org/book/15272/1348107>